

В одномъ элегическомъ фрагментѣ Симонида Кейскаго.

Въ недавно напечатанной статьѣ о Симонидѣ Аморгскомъ жж. «Унив. Извѣстія» 1913 июнь, также отдѣльн. оттискъ) я стараюсь въ новомъ свѣтѣ представить творчество этого поэта, раз-взгляды, что фрагменты 1, 7, 24, быть можетъ, также 6 — разрозненные части, «disiecta membra» болѣе крупнаго цѣ-представлявшаго, по всей вѣроятности, дидактическій эпосъ, примыкающій къ поэмамъ Гезіода и въ свою очередь опре-дѣляющій собою особую полосу въ греческой поэзіи. Отмѣчая мно-гочисленные слѣды вліянія Симонида на позднѣйшихъ поэтовъ, я оставилъ безъ вниманія одинъ случай, гдѣ это вліяніе ска-зано особенно рельефно и ярко, — разумѣю одинъ элегическій фрагментъ, печатаемый въ собраніи фрагментовъ Симонида Кейскаго (Bergk). Восполняя въ настоящей замѣткѣ это упущеніе, стараюсь также попутно возстановить правильное пониманіе творенія, нѣсколько затемненное новѣйшей экзегезой. Вотъ этотъ, сохранный Стобеемъ (Flor. 98, 29):

Ἐν δὲ τὸ κάλλιστον Χῖος ἔειπεν ἀνὴρ·
οἷη περ φύλλων γενεή, τοίη δὲ καὶ ἀνδρῶν·
παῦροι μὲν θνητῶν οὔσαι δεξιόμενοι
στερνόις ἐγκατέθεντο· πάρεστι γὰρ ἐλπίς ἐκάστω,
ἀνδρῶν ἥτε νέων στήθεσιν ἐμφύεται·
θνητῶν δ' ὄφρα τις ἀνθὸς ἔχῃ πολυήρατον ἥβης,
κοῦρον ἔχων θυμὸν πολλὸν ἀτέλεστα νοεῖ·
οὔτε γὰρ ἐλπίδ' ἔχει γηράσμενος οὔτε θανείσθαι,
οὐδ' ὕμης ὅταν ᾗ, φροντίδ' ἔχει καμάρου
νήπιοι, οἷς ταύτῃ καίται νόος, οὐδὲ ἴσασιν,
ὥς χρόνος ἔσθ' ἥβης καὶ βίотου ὀλίγος
θνητοῖς· ἀλλὰ σὺ ταῦτα μαθὼν βίотου ποτὶ τέρμα
ψυχῇ τῶν ἀγαθῶν ἐλθὼν χαρίζομενος (по Bergk'y)

А вотъ его прозаическій, почти буквальный переводъ:

«Одно прекраснѣйшее слово произнесъ мужъ изъ Хіоса:» *каковы поколѣнія листьевъ, таковы и людей*. Но немвогіе изъ смертныхъ, схвативъ его ухомъ, приняли къ сердцу. Вѣдь у всякаго есть надежда, что крѣпко въстаетъ въ грудь молодую ¹⁾. Пока человѣкъ владѣтъ вождельнымъ цвѣткомъ юности, онъ, легкомысленный, много замышляетъ неисполнимаго; вѣдь не вѣрится ему, что онъ состарится и умретъ, и, пока есть здоровье, ни во что ставитъ труды. Да, глупы тѣ, у кого такъ налаженъ умъ, и не знаютъ они, что непродолжительно у смертныхъ время юности и жизни. Но ты, понявъ это, дерзай до конца жизни благами ея тѣшить свое сердце» ²⁾.

Знатоки греческой литературы давно уже обратили вниманіе на идейную близость этой элегіи первому фрагменту Аморгинца, который я также приведу здѣсь въ переводѣ (см. Симон. Аморг. стр. 3—4):

«Дитя мое! Зевсъ тяжело разящій вершить все существующее и располагаетъ имъ, какъ хочетъ. Разумъ же не присущъ людямъ, но, недолговѣчные подобно растеніямъ, мы живемъ, не вѣдая сколько, какой конецъ каждому уготовить Богъ. Но надежда и легковѣріе живутъ всѣхъ, лелѣющихъ (въ душѣ) несбыточное, — и одинъ ждетъ наступленія дня, другой оборота лѣтъ (что осуществитъ его мечту), — и нѣтъ никого среди смертныхъ, кто бы не думалъ въ ближайшемъ году богатствомъ и благами возвыситься

¹⁾ Я не согласенъ съ проф. А. Θ. Семеновымъ который чтеніе свое ἀνδρῶν τε νέων στήθεσιν ἐμφύεται (Симонидъ Кеосскій, Нѣжинъ 1912 стр. 123) переводитъ (надежда) «которая живетъ и въ груди мужа и въ груди юноши». Вѣдь ἀνδρῶν... νέων составляетъ одно понятіе и равносильно: νεανίσκων (юношей), — срв. Theogn. v. 241—2 καὶ σε σὺν αὐλίσκῳσι λιγυφθογγοῖς νέοι ἄνδρες... ἄσονται; частица τε, писать-ли ее вмѣстѣ съ предыдущимъ словомъ или раздѣльно, относится все равно къ нему и при истиннѣйшихъ οἷος, ὅσος, ὅς имѣетъ многочисленныя аналогіи, срв. Minnert. frg. 2 v. 1 ib. v. 8; frg. 5 v. 7 и т. д.

²⁾ τῶν ἀγαθῶν — genit. partit., какъ въ Hom. Od. I 140: εἰδότε πολλὰ ἐπιδόμα χαρίζομένη παρεόντων; VII 166: δότω ἔνδοξον εἰόντων. — Глаголь χαρίζεσθαι, собств. «давать пріятный подарокъ» (см. Hom. l. l. и Simon Amorg. frg. 7, 92—3), часто равносильнъ δίδωαι; — въ соединеніи же съ ψυχῇ, θυμῷ получаетъ значеніе τὴν σπουδὴν εὐφραίνειν (Minn. frg. 7, 3; Theogn. v. 922), «ублажать свою душу» т. е. угождать, потворствовать себѣ (Theogn. 1223—4; Theoc. Id. XVI 24), что нѣрѣдко является лишь смягченіемъ χαρίζεσθαι χάσθαι (Theogn. v. 920, 1000), заботиться объ удовольствіи самыхъ низкихъ тѣлесныхъ потребностей: такъ, въ эпиграфѣ Бакхиды I Атенея (VIII 336) мы читаемъ: πέν, φαγὲν καὶ πάντα τῇ ψυχῇ δοῦμαι (ср. A. Gerhardt, Phoenix von Kolophon S. 181—4). Этотъ своеобразный способъ выраженія перешелъ затѣмъ въ римскую поэзію (см. Horat. Carm. IV 7, 19—20).

говы. Но вотъ одного настигаетъ жалкая старость, прежде
онъ сталъ у цѣли; другихъ губятъ жестокія болѣзни, третьихъ,
срешенныхъ Ареемъ, Аидъ шлетъ въ черную землю; иные еще,
ныне вихремъ и обильными волнами багровой пучины, гибнутъ
порѣ, когда могли бы жить спокойно; иные, наконецъ, вслѣд-
ствіе жалкой участи завязываютъ петлю и добровольно покидаютъ
жизненный свѣтъ. Ни одно бѣдствіе не отсутствуетъ, но неисчи-
сленны виды смерти и невыразимы горести и страданія людей.
Все же, если бы они меня послушались, мы не возлюбили
на и, стремясь душой къ тяжкимъ бѣдствіямъ, не стра-
даль»¹⁾.

Таковы отрывки, которые намъ предстоитъ сличить. Сказавъ
же, что элегія Симонида Кейскаго, сложилась подъ вліяніемъ
Симонида Аморгскаго, я уже тѣмъ самымъ занялъ опредѣ-
ненное положеніе въ одномъ старомъ филологическомъ спорѣ. Вопросъ,
принадлежитъ приведенная элегія, до сихъ поръ не рѣшенъ
опредѣленно: Стобей называетъ ее просто произведеніемъ Симонида,
указывая точнѣе, котораго изъ двухъ того же имени поэтовъ онъ
имѣетъ въ виду, старшаго-ли изъ Аморга или младшаго изъ Кеоса.
Въ такомъ случаѣ, такъ какъ послѣдній извѣстенъ между прочимъ, какъ сочи-
тель элегій; такъ какъ, въ добавокъ, въ одномъ старомъ намекѣ
на нашу имя автора ея, Симонида, поминается рядомъ съ именемъ
Симонида²⁾, то естественно было думать, что рѣчь идетъ о современномъ
поэту пѣвцѣ изъ Кеоса,—и элегія наша нашла себѣ мѣсто среди
поэтовъ этого послѣдняго. Впрочемъ еще Теодоръ Бергкъ по-
лучивъ родство ея съ вышеприведеннымъ ямбомъ,—и онъ
не смѣлъ признать ее твореніемъ Аморгинца, элегическимъ дуб-
ловымъ мотивомъ, развиваемаго въ приведенномъ нами 1-омъ фрагментѣ,

Послѣдніе пять стиховъ я привожу въ подлинникѣ (v. 20—24): οὕτω κακῶν
ἀλλὰ πόρῃ | βροτοῖσι χῆρες ἀναπέφυκται· δῶκα | καὶ πῆματ' ἔστιν εἰ δ' ἔμοι
οὐκ ἂν κακῶν ἔρρωμαι, οὐδ' ἐπ' ἀλγεσιν | κακοῖς ἔχοντες θυμὸν αἰκιδόμεθα. — Въ
этомъ эп. — ἀπεστιν, cf. Solon frg 38, 3—5: καὶ δ' οὐτε περμάτων ἀπεστιν οὐδέν.,
καὶ ἔδωκεν πάρα; Soph. Oed. R. v. 1284—5; 1496. Въ ст. 24-мъ слова οὐκ ἂν
ἀπεστιν ср. со словами Зевса (у Геродота Op. 57—8) о Павдорѣ: τοῖς (т. е.
ἐμοὶ) ἐγὼ ἀντί πορὸς δώσω κακῶν, ᾧ κεν ἀπαντες τέρπονται κατὰ θυμὸν εἰν κακῶν
ἀφύκται. — Въ стихѣ 23—4-мъ слова ἐπ' ἀλγεσιν κακοῖς ἔχοντες θυμὸν ср. съ
Hesiod. v. 1149: αἰὲν ἐπ' ἀλλοτρίοις κτεάνοις ἐπέχουσι νόημα. —²⁾ Vita Hom. c. 28
ἐκείνου: Ὁμηρον τοῖνον Πανδαρος μὲν ἐφη Χίῶν τε καὶ Σμυρναῖον, Σμυρναῖος δὲ Χίον.

причемъ въ подтвержденіе своей мысли онъ сослался на мнѣніе архаизмъ ея стиля, сказывающійся въ частомъ повтореніи тѣхъ самыхъ словъ и выраженій (P. L. G. II. 441: v. 1 : $\alpha\upsilon\delta\rho\omega\upsilon$; v. 2 : $\alpha\upsilon\delta\rho\omega\upsilon$; v. 5 : $\alpha\upsilon\delta\rho\omega\upsilon$; v. 3 : $\theta\upsilon\eta\tau\omega\upsilon$; v. 6 : $\theta\upsilon\eta\tau\omega\upsilon$; v. 12 : $\theta\upsilon\eta\tau\omega\upsilon$; v. 11 : $\beta\iota\omicron\tau\omicron\iota$; v. 12 : $\beta\iota\omicron\tau\omicron\iota$); Взглядъ Берга получилъ со временемъ значительное распространение. W. Christ оговариваетъ элегію въ связи съ литературнымъ наслѣдіемъ ямбографа (Griech. Litteraturgesch. ³ S. 136, 8 и точно также поступаетъ Wilamowitz-Moellendorff въ своей новѣйшей книгѣ «Sappho und Simonides» (Berlin 1913). Онъ категорически утверждаетъ, что «относительное тождество автора (съ Аморгинцемъ) уже идейное совпаденіе (элегіи съ ямбомъ) не оставляетъ никакихъ сомнѣній» (стр. 273 прим. 3 «an der Identität des Verfassers lässt schon die innere Uebereinstimmung keinen Zweifel»). Дальнѣйшими, вспомогательными аргументами служить для него то, что 1⁰ «форма (элегіи) недостойна Кейскаго пѣвца» (und die Form ist des Keers unwürdig), и 2⁰ элегія находится у Стобея 98, 29, т. е. въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашимъ ямбическимъ фрагментомъ (Stob. 98, 16).

Огромный авторитетъ, которымъ по заслугамъ пользуется и ученый міръ Wilamowitz, заставляетъ къ голосу его прислушиваться внимательно; но понятное уваженіе къ знаменитому берлинскому эллинисту не освобождаетъ насъ отъ обязанности проверять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ его блестящія, но иногда слишкомъ смѣлыя положенія: поступать иначе значило бы расходиться съ тѣми завѣтами строгаго научнаго духа, поборникомъ которыхъ былъ всенѣ Wilamowitz. Въ данномъ случаѣ его точка зрѣнія едва-ли можетъ быть удержана. Я лишь вкратцѣ коснусь двухъ послѣднихъ его аргументовъ, которые сами по себѣ никого убѣдить не могутъ. Близкое сосѣдство стихотвореній нашихъ у Стобея не доказываетъ очевидно тождества ихъ авторовъ, а художественная цѣнность изслѣдуемой элегіи — это одинъ изъ тѣхъ тонкихъ вопросовъ вкуса, къ которымъ непримѣнимы никакіе объективные критеріи и которые поэтому съ одинаковой долей вѣроятія могутъ быть рѣшаемы весьма различно. За то я позволю себѣ дольше остановиться на такъ сильно подчеркиваемомъ Wilamowitz'емъ внутреннемъ тождествѣ обоихъ стихотвореній. Что сходство здѣсь дѣйствительно велико, съ

я думаю, согласится всякій. Въ формѣ индивидуальнаго поэма (παράινεσις) и здѣсь и тамъ развиваются весьма схожія мысли. Алеліекъ, такъ и ямбографъ согласно отмѣчаютъ быструю смѣну историческихъ поколѣній, преходящихъ подобно растеніямъ (A. v. 4: ὅδ' ἄλλων γενεῇ); оба они распространяются надъ умствен- ностию и недалновидностью человѣка, который, ни о чемъ вѣдая (A. v. 4: οὐδὲν εἰδότες; C. v. 10: νῆπιον... οὐδὲ ἴσασιν), только тѣшитъ себя надеждою (A. v. 6: ἐλπίς; C. v. 5: ἐλπίς), рису- ющаго вѣзору плѣнительныя, но несбыточные картины (A. v. 7: ὀρμαίνοντα; C. v. 7: πόλλ' ἀτέλεστα νοεῖ),—и совершенно за- нимаются о неотвратимомъ приближеніи старости и смерти (A. v. 11: C. v. 9). Мы видимъ такимъ образомъ на протяженіи немно- гихъ стиховъ цѣлый рядъ важныхъ точекъ соприкосновенія, совер- шенно устраняющихъ гипотезу чисто случайнаго совпаденія и неиз- бѣжно приводящихъ къ мысли, что между сравниваемыми отрывками связь болѣе близкая и тѣсная. Слѣдуетъ-ли однако изъ такого сходства дѣла дѣлать вмѣстѣ съ Bergk'омъ, Christ'омъ, Wilamo- witz'омъ заключеніе, что эта связь—личнаго рода, т. е. что оба стихотворенія вышли изъ-подъ пера одного и того же автора? Кажется, что нѣтъ, такъ какъ связь эта допускаетъ также и другое объясненіе,—разумѣю вліяніе одного произведенія на другое, и объясненіе это названнымъ авторомъ не пришло въ голову лишь потому, что, сосредоточивъ вниманіе свое на несомнѣнномъ родствѣ данныхъ стихотворе- ній, онъ не замѣтили столь же несомнѣннаго расхожденія между ними—расхожденія притомъ не въ какихъ-либо второстепенныхъ, случайныхъ деталяхъ, а въ основной идеѣ и руководящей тен- денціи—что, чувствуя въ элегіи замѣтное вѣяніе поэзіи Аморгинца, они чувствуютъ ея родства съ поэзіей другого, болѣе поздняго поэта—Мимнерма.

На каждомъ изъ намѣченныхъ двухъ пунктовъ я долженъ те- перь становиться для болѣе подробной мотивировки. Что касается второго,—разумѣю различную тенденцію сравниваемыхъ отрывковъ,—то мы видѣли, наличность какого-либо расхожденія между ними совершенно отрицаетъ Wilamowitz. По его мнѣнію, послѣднія слова какого-либо фрагмента: «И все же, если бы они, т. е. люди, меня

послушались, мы не возлюбили бы зла и, стремясь душою къ такимъ бѣдствіямъ, не страдали бы» (εἰ δ' ἐμοὶ πιδόατο, οὐκ ἔν κτεν ἔρφμεν οὐδ' ἐπ' ἄλγεσιν κακοῖς ἔχοντες θορόν αἰκίζοίμεθα) — это только статистическій вариантъ послѣднихъ словъ элегическаго: «но ты, понимай это, держай до конца жизни благами (ея) тѣшить свое сердце» (ἀλλὰ σὺ ταῦτα μάλ' ὦν βίοντι ποτὶ τέρμα ψυχῇ τῶν ἀγαθῶν ἐλπίδι χαρίζομαι). Ямбографъ, будто бы, говорить то же самое, что Тримальхонъ у Петронія: «totus homuncio nil est, ergo vivamus, dum licet esse bene».

Въ другомъ мѣстѣ (Симонидъ Аморгскій, стр. 4—9, 16) я далъ обстоятельный разборъ нашего ямба: фрагмента, и—при сопоставленіи его съ 7-мъ фрагментомъ того же поэта, а также съ легшимъ въ основу того и другого мѣстами Гезіода — смыслъ выписанныхъ стиховъ оказался совершенно инымъ: вмѣсто того, чтобы во имя кратковременности жизни и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ призывать къ самому интенсивному использованию момента, къ погонѣ за проходящими, но все же сильными и захватывающими наслажденіями, изъ которыхъ слагается βίος φιλήδονος, ямбографъ, наоборотъ, является поборникомъ аскетическихъ началъ, предостерегая юношей предъ опасностью, какою угрожаетъ имъ связь съ женщиной, этимъ величайшимъ обманомъ и несчастіемъ жизни; неизбежны страданія человѣческія и безъ того велики, и безумно еще отягчать ихъ этими роковыми узами, когда, слѣдуя совѣтамъ поэта, ихъ такъ легко избѣжать. Этотъ аскетическій идеалъ, на мой взглядъ, совершенно несомѣстимъ съ идеаломъ гедоническимъ, такъ отчетливо сформулированнымъ въ заключительныхъ словахъ нашей элегіи, а потому элегія эта не можетъ принадлежать тому же самому поэту, которому принадлежитъ ямбическій фрагментъ. Она носитъ на себѣ печать болѣе поздняго времени, оперируетъ идеями и образами, которые впервые введены въ греческую литературу Мимнермомъ, сыномъ малоазійской Іоніи, далеко ушедшей впередъ по пути матеріальной культуры.

Сходясь съ Аморгинцемъ въ пессимистической оцѣнкѣ жизни и обрисовывая бѣдствія и ужасы ея красками, которыя властно заставляютъ думать о сознательномъ подражаніи ямбографу (см. второй элег. фрагментъ, подробно разобранный мною въ статьѣ о Симонидѣ стр. 17—20), этотъ элегическій поэтъ въ одномъ существе-

пунктъ — разумѣю отношеніе къ женщинѣ — все же рѣзко
отъ своего предшественника и вмѣсто того, чтобы вмѣ-
стѣ съ нимъ видѣть въ ней «величайшее зло, созданное Зевсомъ
между людьми» (frg. 7 v. v. 71—2, 96—7, 115), считаетъ ее,
напротивъ, высшимъ благомъ жизни: любовь, лишь одна любовь
наращиваетъ и просвѣтляетъ человѣческое существованіе, которое
иначе теряетъ всякій смыслъ и значеніе. «Что въ жизни,
если не наслажденіе безъ золотой Афродиты? Да умру, когда не
ушѣ мнѣ будетъ болѣе тайная любовь и сладкіе дары (бо-
говъ и ложе!» восклицаетъ поэтъ (frg. 1 v. 1—3: τίς δὲ
μοῖν δὲ τερπνὸν ἄτερ χρυσῆς Ἀφροδίτης; | τεθναίην, ὅτε μοι μῆκετι ταῦτα
ἔσται | χροπαδίη φιλότης καὶ μείλιχα δῶρα καὶ εὐνή). Оттого онъ такъ востор-
женно прославляетъ, такъ горячо любитъ молодость, цвѣты которой
естественно достойны того, чтобы ихъ срывали мужчины и женщины»
(frg. 1 v. 4 : οἱ ἥβης ἄνθεα γίγνεται ἀρπαλέα | ἀνδράσιν ἢ δὲ γυναῖξιν...);
онъ такъ боится, такъ ненавидитъ старость, которая разрушаетъ
жизнь (frg. 3) и дѣлаетъ человѣка «ненавистнымъ дѣтямъ, пре-
зреннымъ въ глазахъ женщинъ» (frg. 1 v. 9 : ἀλλ' ἐχθρὸς μὲν παισίν,
καὶ δὲ γυναῖξιν | οὕτως ἀρπαλέον γῆρας ἔδηκεν θεός), и считать
даже тяжелой смерти хуже» (frg. 4 v. 2 : γῆρας, ὃ καὶ
θνήσκον ἀρπαλέου). Но если старость такъ ужасна и, подобно
какой-нибудь птицѣ, виситъ у каждаго надъ головой (frg. 5 v. 6 : γῆρας
ἐπ' ἀεὶ κεφαλῆς αὐτίχ' ὑπερχρέμαται), а благодатная молодость мимолетна
и уходитъ, какъ сонъ (l. 1. v. 4—5 : ἀλλ' ὀλιγοχρόνιον γίγνεται
καὶ ὄναρ | ἥβη τιμήσσοι), то самъ собою напрашивается выводъ, что
каждый человѣкъ долженъ умѣть пользоваться этой столь скупо от-
даваемой порой.

Выводъ этотъ, дѣйствительно, дѣлаетъ поэтъ,—и съ устъ его
идетъ новое и, съ точки зрѣнія традиціоннаго жизнепониманія,
и предосудительное слово: «ублажай свою душу» (frg.
1 v. 10 : τὴν αὐτοῦ φρένα τέρπε). Это у него значить: живи въ
своемъ удовольствіи, не заботясь о томъ, хорошо-ли, дурно-ли
тебѣ, о тебѣ говорить люди, и стремясь лишь къ тому, чтобы
избавиться въ предѣлахъ справедливости и своими дѣйствіями
причинять вреда ни согражданамъ, ни даже чужимъ (frg. 7
l. 1-4 : μῆτε τινὰ ζείνων δηλούμενος ἔργμασι λυγροῖσιν | ἢ τε τιν' ἐνδύμων,

ἀλλὰ δίκαιος ἐὼν | τὴν σαυτοῦ φρένα τέρπε, δυσηλεγέων δὲ πολιτῶν | ἄλλος
σε κακῶς, ἄλλος ἄμεινον ἐρεῖ). Этотъ призывъ не остался безотвѣтнымъ, —
и однимъ изъ первыхъ, откликнувшихся на него, былъ авторъ настоящей
элегіи: естественный ходъ мыслей насъ привелъ, такимъ образомъ,
къ другому изъ вышенамѣченныхъ пунктовъ.

II въ самомъ дѣлѣ, что слова вашей элегіи ψυχῇ τῶν ἀνθρώπων
τλήθῃ χαρίζομενος являются лишь стилистическимъ варіантомъ Мимнер-
мовыхъ τὴν σαυτοῦ φρένα τέρπε, послѣ вышесказаннаго не нуждается
въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Помимо этой общности основной
идеи, о вліяніи Мимнерма на нашего элегика говорятъ нѣкоторыя
интересныя совпаденія стилистическаго характера: разумѣю выра-
женіе «цвѣтокъ молодости» (v. 6: ἄνθος πολυήρατον ἡβῆς), столь при-
вычное поэту изъ Смирны (frg. 1 v. 4; frg. 2 v. 3; frg. 5 v. 2),
и въ особенности весь стихъ 11-й: ὥς χρόνος ἐσθ' ἡβῆς καὶ βίότοιο δόλιχος
представляющій, по моему, лишь легкую парафразу одного мѣста
Мимнерма (frg. 5 v. 4: ἀλλ' ὀλιγοχρόνιον γίγνεται ὥσπερ ὄναρ ἡβῆ π-
μήσσει. Итакъ, какъ въ идейномъ, такъ и формальномъ отношеніи
авторъ находится въ несомнѣнной зависимости отъ Мимнерма. Для
насъ чрезвычайно важно, что то же самое приходится сказать и
относительно Симонида Кейскаго. Дѣло въ томъ, что вліяніе Мим-
нерма возможно установить для иныхъ изъ лирическихъ фрагмен-
товъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ послѣдняго. Такъ, фраг-
ментъ 71 (Bergk): τίς γὰρ ἀδονᾶς ἄτερ θνατῶν βίωτος ποθεινός; ἢ ποί-
τορannis; τὰς ἄτερ οὐδὲ θεῶν ζαλωτὸς αἰών, т. е. «какая жизнь человѣ-
ческая, лишенная наслажденія, достойна вожделѣнія? или какая
державна? Безъ него даже существованіе боговъ незавидно», — это
только парафраза приведеннаго уже стиха Мимнерма (frg. 1 v. 1):
τίς δὲ βίος, τί δὲ τερπνὸν ἄτερ χρυσῆς Ἀφροδίτης; Во фрагментѣ 39
(=Plutarch. Cons. ad Apoll. с. 11): ἀνθρώπων ὀλίγον μὲν κάρτος, ἔ-
πρακτοι δὲ μετ' ὅσους, αἰῶνι δὲ παύρῳ πόνος ἀμφὶ πόνῳ· ὁ δ' ἄφουκτος ὁ μὲν
ἐπικρέμαται θανάτου· κείνου γὰρ ἴσον λάχον μέρος οἱ τ' ἀγαθοὶ ὅσους
καχός (т. е. «у людей не велика сила, безысходны заботы, въ бо-
роткой же жизни трудъ слѣдуетъ за трудомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ
неизбѣжная смерть виситъ (надъ головой): въ ней добрые и злые
равный получили удѣлъ»), третій (подчеркнутый) стихъ предста-

тисся мнѣ реминисценціей цитированныхъ уже словъ Мимнерма (т. 5 в. 6—7): γῆρας ὑπὲρ κεφαλῆς αὐτοῦ ὑπερκρέμαται.

Я дошелъ до намѣченной заранѣ меты и могу уже подвести итогъ. Предыдущимъ разборомъ установлено: 1-о что элегія, сходясь съ ямбическимъ фрагментомъ въ цѣломъ рядѣ интересныхъ частности, отличается все же отъ него легкой въ основу идей и обусловленной послѣдней тенденціей; 2-о что рядомъ съ элементами, роднящими ее съ произведеніемъ Аморгинца, она включаетъ другіе, подсказанные твореніями Мимнерма, старшаго современника Солова; 3-о что и эта столь характерная для нея тенденція, и вліяніе Мимнерма характеризуетъ также нѣкоторые элементы Симонида Кейскаго. Отсюда неизбежны выводы: 1-о что элегія наша не можетъ принадлежать Аморгинцу; 2-о что она относится болѣе поздняго времени; 3-о что ее можно съ значительной долей вѣроятія приписать Кеосцу. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не историческимъ дублетомъ ямбическаго фрагмента, какъ предполагали названные ученые, а съ полемикой противъ него. Отправившись отъ тѣхъ же самыхъ положеній, что Симонидъ Аморгскій, я и Симонидъ вносивъ поправку въ его чрезъ мѣру суровое, историческое ученіе, пользуясь идеями болѣе слабого, но и болѣе человѣчнато Мимнерма. Такимъ образомъ, въ этомъ старомъ историческомъ контроверсѣ, исторія котораго здѣсь прошла предъ нами, истина оказалась не на сторонѣ нѣмецкой школы, не на сторонѣ Bergk'a съ его послѣдователями вплоть до Wilamowitz'a, а на сторонѣ французской, которая устами Croiset давно уже изрекла оправдавшійся теперь приговоръ: «l'opinion de Bergk, à vrai dire ne semble tout à fait arbitraire» (Hist. de la littér. grecque. I, 194).

В. II. Клинеръ.

Въ принадлежности этой элегіи Симониду Кейскому не сомнѣвается также и Мейенговъ (I. I. стр. 124) и, судя по словамъ послѣдняго (прим. 3), итальянецъ Симониде Аморгино, Venezia 1900), работа котораго для меня, къ сожалѣнію, была недоступна.